

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-11-31

Научная статья

МАЛЬБРУК В ПОХОД СОБРАЛСЯ (ИЛИ ЭКСКУРС ПСИХОСЕМАНТИКИ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ)

Петренко Виктор Федорович,

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
Москва, Россия

Аннотация

Настоящая статья призвана ознакомить лингвистов с наработками отечественной психологии, связанными с проблематикой значения и языка. Поскольку психология еще не стала фундаментальной наукой, интегрирующей общетеоретические знания [Уилбер, 2016], и представляет собой как достаточно разрозненные области изучения (психология личности, социальная психология, нейропсихология, консультативная психология, психотерапия, психологический групповой тренинг, возрастная психология, организационная психология, психология искусства, семейная психология, спортивная психология и т.д.), так и достаточно разнородные школы, различающиеся своими методами и теоретическими позициями (психоанализ, бихевиоризм, гештальтпсихология, когнитивная психология, теория деятельности, гуманистическая и трансперсональная психология и т.п.), то обзор будет сужен до отечественной психологии и преимущественно до школы Л.С. Выготского–А.Н. Леонтьева–А.Р. Лурии и психосемантического подхода, в частности (В.Ф. Петренко, О.В. Митина, А.П. Супрун, В.В. Кучеренко, Шмелев А.Г.). Если психолингвисты (А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя, Е.Ф.Тарасов, Т.Н. Ушакова) исследуют, в первую очередь, порождение речевого высказывания и проблемы коммуникации, то работы в области психосемантики направлены на изучение сознания и бессознательного, а также на содержание общественного менталитета. Акцент настоящей статьи сделан именно на психосемантическом подходе в психологии.

Ключевые слова: психосемантика, сознание, бессознательное, значение, смысл, семантические пространства, категориальная структура сознания

А.Р. Лурия [2019] говорит об удвоении мира благодаря языку. Под языком при этом следует понимать не только естественный человеческий язык, но и любую систему значений, описывающую физическую реальность, психические образы и состояния, или предписывающую некие действия и поведение. Можно говорить о языке мимики и жеста, танца и пантомимы, языке кино и театра, семиотике балета и архитектуры, дорожных знаков и одежды [см. Лотман 1992]. Различные языки и, в первую очередь, естественный язык, служат для реализации мышления и коммуникации, самосознания и прогнозирования, рефлексии и саморефлексии. Л.С. Выготский [Выготский 2022] рассматривал знак как психическое орудие, с помощью которого человек управляет собственным сознанием и поведением. Лев Семенович вполне искренне называл себя марксистом, так как марксизм представляет собой одну из форм эволюционизма в социальных науках. Культурно-историческая теория Выготского [1992–1994]

основана на представлении о сознании и мышлении как эволюционирующих формах человеческой психики, обусловленных развитием языка, культуры, производственной деятельности человека. Она перекликается с идеями В. Гумбольдта [1984], А.А. Потебни [2000], теорией лингвистической относительности Э. Сепира–Л. Уорфа.

Особую роль в формировании школы Выготского–Леонтьева–Лурии сыграли, на наш взгляд, идеи Фрейда. В рамках психоанализа Зигмунд (Шлёма) Фрейд выдвинул положение, согласно которому для снятия травмирующих невротических переживаний «надо на место бессознательного «IT» (ОНО) поставить «ЕГО» («Я»), т.е. перевести бессознательное переживание, посредством языка в осознанное «Я». [Фрейд 1997] Таким образом, языковое выражение травмирующего переживания способствует его осознанию и рефлексии, и, как следствие, снимает проблематику, извлекает травмирующую «занозу». На заре своей профессиональной карьеры и А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев испытали плодотворное влияние психоанализа. Зигмунд Фрейд разработал метод «свободных ассоциаций», позволявший выйти на аффективную проблему пациента. Одна из первых книг А.Р. Лурии называлась «Психоанализ как марксизм в психологии», а разработанный им метод «двойной стимуляции», или метод «сопряженных моторных реакций», требовал от испытуемого (пациента) не только дать ассоциативный ответ на предлагаемое слово, но и совершить моторное действие, нажав на ключ. Наличие аффекта у пациента определялось или наличием большого латентного времени дачи ассоциации (возможного сбоя, или оговорки) или же сбоем моторного действия. Методические поиски Лурии были продолжены в разработке американцами «Детектора лжи» в криминалистике. Проблема взаимосвязи «Аффекта и интеллекта», или проблема влияния эмоций на процесс категоризации, поднятая психоанализом, стала одной из ведущих тематик в школе Выготского–Леонтьева–Лурии. Так, в раннем исследовании А.Н. Леонтьева «Опыт исследования цепных ассоциативных рядов», опубликованном в «Русско-немецком психологическом журнале» [Леонтьев 1927] было показано, что, когда свободные ассоциации доходят до аффективного комплекса, они начинают реверберировать по кругу вокруг этого аффективного места, аналогично тому как физические тела, вращаясь вокруг мощной гравитационной массы, не могут вырваться из этой зоны притяжения. В дальнейшем политическая ситуация 1930-х гг. не позволила даже упоминать психоанализ и имя Фрейда. Тем не менее, неявное влияние психоанализа, как, впрочем, и теории категоризации Дж. Брунера [1977], содержится в трактовке значения и личностного смысла А.Н. Леонтьевым. Под значением А.Н. Леонтьев понимал единую сущность, включающую также в различных пропорциях личностный смысл и чувственную ткань. Согласно математике и философу В.В. Налимову [1974], различные языки, и, соответственно, языковые значения, различаются по степени жесткости. Жестким языком является, например, язык математики, где содержание математического знака однозначно и содержит минимальное количество сем (семантических компонентов или атомов смысла). Мягкие языки, как, например, язык поэзии или образный язык хореографии, языки музыки или живописи, содержат множество семантических компонентов и, тем самым, неоднозначны, вызывают множество ассоциаций, эмоционально нагружены и образны, и, таким образом, наполнены и чувственной тканью, и личностным смыслом. Личностный смысл, по А.Н. Леонтьеву, обусловлен отношением субъекта к конкретному значению. Термин «личностный смысл» близок к коннотативному значению [Апресян 1995] и раскрывается в контексте

теории деятельности А.Н. Леонтьева как отношение мотива деятельности к ее цели. Чувственная ткань, по Леонтьеву, включает образные и эмоциональные компоненты и характеризует более «мягкие языки».

В тридцатые годы прошлого века А.Р. Лурия отправляется в Узбекистан, чтобы подтвердить культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского. Замысел исследования заключался в том, чтобы сопоставить людей, получивших школьное образование и безграмотных дехкан, чтобы показать отличие в их сознании и рефлексии. Экспериментальные задания были двух типов. Предполагалось, что у не прошедших школьное образование респондентов будут отсутствовать некоторые иллюзии восприятия, обусловленные наличием перспективы в восприятии живописи (кстати, возникшие в визуальном искусстве Европы только в XV веке). Заметим, что психологи любят исследовать различного рода иллюзии в восприятии, так как неоднозначность формирования перцептивной гипотезы, ведущей к тому или иному образу восприятия, позволяет растянуть во времени формирование зрительного образа и, тем самым, проанализировать динамику того, что при обычном восприятии кажется одномоментным. Другая задача исследования Лурии заключалась в возможности использования неграмотными людьми силлогизмов. Испытуемым сообщали, что на севере не растут арбузы (большая посылка), город Энск на Севере (малая посылка). Спрашивалось, растут ли арбузы в городе Энске? Испытуемые-респонденты рассказывали, что они бывали в разных городах, но в Энске не были и потому не знают, растут ли там арбузы. То есть демонстрировали неспособность делать выводы на основе логических умозаключений. Сохранилось предание, что воодушевленный полученными результатами экспериментов Лурия послал эпическую телеграмму Выготскому: «У узбеков нет иллюзий». Позднее подобные кросс-культурные исследования в рамках этнопсихологии и педологии (науке о развитии детей) запретили, и первое исследование по изучению культурно-исторической специфики мышления и сознания состоялось только в семидесятых годах прошлого века. Казахский психолог Матжит Муканович Муканов в своей докторской диссертации по психологии (первой в Казахстане) убедительно показал, что пословицы, поговорки, айтысы (разновидность прецедентного права) выполняют ту же функцию рефлексии в обыденном сознании, что и европейская логика в научном мышлении. Рассмотрим это на примере права.

В Европе существует так называемое Римское право, основанное на системной иерархии правовых положений, и более архаичная английская правовая система, основанная на правовых прецедентах. Например, в XVII веке в таком-то графстве был аналогичный случай, который получил такое-то правовое решение. По аналогии с ним и дается правовое заключение. Аналогично, поговорки, пословицы, изречения из Библии и Корана, Типитаки или Алмазной сутры могут служить архетипическими смысловыми эталонами в традиционных культурах.

Наши собственные исследования в этнопсихологии были навеяны работами А.Р. Лурия [2004] и М. Муканова [1980], а также В.Я. Проппа [1986], М.М. Бахтина, А.Я. Гуревича, А.П. Назаретяна. Так, племена аборигенов Австралии, находясь на эволюционной стадии «собираательства», не могли понять «логики» европейских поселенцев, бросающих съедобные зерна в землю в ожидании, спустя некоторого времени, обильного урожая. Аналогично, неразвитость категории времени в обыденном сознании ряда племен в тропической Африке привела к тому, что подаренных по линии ЮНЕСКО высокопродуктивных племенных коров благодарные туземцы просто съели.

Скотководство, как и земледелие, подразумевает установление причинно-следственных связей между действием субъекта и его последствиями, которые могут быть разнесены во времени, что требует от субъекта достаточно высокого уровня развития. Категория времени, как и другие категории сознания (справедливость, долг, вера, ответственность, смысл, право, собственность и т.п.) развиваются и меняются со временем, образуя категориальную систему сознания и определяя картину мира человека и общества. Другой пример, из раннего средневековья, который может быть истолкован в рамках культурно-исторической теории Л.С. Выготского, приводит А.Я. Гуревич [1974]. Викинги довольно часто топили добытые в бою драгоценности, интерпретированные поздними исследователями как клады. Арон Яковлевич показывает, что в сознании средневекового человека предмет ценности не воспринимался как средство накопления, присущее менталитету Нового времени. Добытое в бою рассматривалось как материализация славы, доблести воина и, например, утопление этой ценности в болоте делало эту ценность неотчуждаемой от самого человека. Пройдут века, и появление, например, поговорки «спасибо на хлеб не намажешь» демонстрирует, какой ментальный регресс способен осуществить конкретный представитель «гомо сапиенс» от трансцендентальных мифо-религиозных ценностей к бытовым потребительским.

Эти яркие примеры специфики человеческого сознания и мышления в культурно-историческом аспекте убедительно показывают эволюционирующий характер человеческого менталитета. Семантика понятий культурно специфична и меняется со временем для различных эпох, и чтобы ее полноценно понимать, требуется союз филолога, историка, культуролога, философа и психолога.

В наших собственных исследованиях мы пытались возродить культурно-историческую традицию этнопсихологических исследований. Но, в отличие от когнитивных исследований в духе Лурия и Муканова, нас привлекала национальная специфика системы ценностей. Для первого исследования, проведенного еще в советское время, я взял материал этнических стереотипов в семейно-бытовой сфере как менее идеологический, поскольку семейные ценности, например, в Средней Азии заведомо отличаются от семейных ценностей в Прибалтике.

Было проведено кросс-культурное сопоставление семейно-бытовых стереотипов азербайджанских и русских девушек [Петренко, Алиева 1987]. В психосемантической методике, названной «методом множественной идентификации», испытуемые оценивали по градуальной шкале вероятность совершения ряда поступков ими самими, их матерью, их идеалом женщины, презираемой ими женщиной, женщиной 40 лет тому назад, женщиной через 20 лет, типичной азербайджанкой, типичной русской. На базе матрицы данных проводился факторный анализ и строилось семантическое пространство. Исследование показало практическую идентичность семейно-брачных стереотипов мужчин и женщин внутри одной этнической культуры (т.е. отсутствие мужской и женской культур внутри одного этноса) и значительное отличие стереотипов в разных этнических культурах.

Стоит отметить, что готовая публикация по материалам исследования пролежала в редакциях более 8 лет, несмотря на положительные рецензии двух академиков. Утверждалось, что в Советском Союзе «создана новая общность – “советский народ”» и, соответственно, не допустимы были любые исследования этнических различий. И только в горбачевскую перестройку в связи с национальными волнениями в Казахстане был дан зеленый свет этнопсихологическим исследованиям, и статья

была опубликована. Мы провели целый ряд таких исследований по сходной методике [Митина, Петренко 1994; Петренко 2000; Петренко, Митина, Гладких 2018]. Ниже приводится двухмерный срез четырехмерного семантического пространства, построенного нами на сопоставлении семейно-бытовых стереотипов русских женщин и американок [Митина, Петренко 2000]. В данном исследовании помимо предполагаемых поведенческих поступков, вводились профессии желательных мужей.

Сходными методами психосемантики проводились исследования динамики политического менталитета Российского общества.

Отечественная психология с самого начала своего существования тяготела к изучению мало осознаваемого и бессознательного опыта, влияющего на картину мира человека. Проблематику исследования чувственной ткани при ее отнесенности к значению можно проиллюстрировать на иницированном А.Н. Леонтьевым исследовании феноменологии, возникающем при псевдоскопическом восприятии. Псевдоскоп – оптический прибор, созданный английским физиком Уитстоном (Wheatstone), вызывающий обратную перспективу на основе использования призм Даве. В России его использовал в 1930-е гг. репрессированный психолог Б.И. Компанейский [2002]. В 1970-е гг. непосредственными исполнителями и исследователями псевдоскопического восприятия, работавшими под руководством А.Н. Леонтьева, были: старший группы – В.В. Столин, а также А.Г. Логвиненко, А.А. Пузырей, В.Ф. Петренко. Наш правый и левый глаз видят несколько по-разному, так как у них несколько разные проекции объекта восприятия на сетчатку глаза. Или, как говорят психологи, имеются различия диплопических образов левого и правого глаза. Степень рассогласования диплопических образов выступает одним из механизмов и показателей удаленности. Чем ближе объект наблюдения находится по отношению к субъекту восприятия, тем больше это рассогласование видения левым и правым глазами. Огрубляя, можно сказать, что использование призм Даве при восприятии позволяет инвертировать восприятие, так как испытуемый получает на левый глаз диплопический образ правого и наоборот. Соответственно, удаленные точки воспринимаемого объекта станут ближе, а удаленные дальше. Объект как бы вывернется наизнанку. Например, при восприятии маски она как бы выворачивается наизнанку, и выпуклые части лицевой маски (например, нос) будут казаться вогнутыми, а вогнутые становятся выпуклыми. Возникают парадоксальные формы видения. Так, тяжелый массивный шар, который держат на железной цепочке, при псевдокубическом восприятии взмывает вверх и парит как воздушный шарик. Восприятие конуса, стоящего на полу, через псевдоскоп приведет к видению воронки, уходящей своей вершиной глубоко в пол. Конус, стоящий на полу, отбрасывал тень, а его инвертированный при псевдоскопии новый образ – воронка – отбрасывать тень не может, поскольку это противоречит предметной логике. В ходе эксперимента выход из этой, нарушающей предметную логику, ситуации заключался в том, что тень начинала восприниматься небольшой лужицей, разлитой около иллюзорной воронки. Причем эта лужица испарялась на глазах испытуемого и затем полностью исчезала. В моем собственном эксперименте объектом восприятия была обычная миска с налитой в нее водой. При наблюдении этой миски через псевдоскоп образ миски инвертировался, и миска виделась доньшком вверх, поверх которого находилась вода. Но вода не может, в силу своей текучести, находиться поверх доньшка перевернутой миски. И при псевдоскопическом восприятии вода виделась испытуемыми либо как некая липкая субстанция, либо как кусок металла, либо как прозрачная слюда и т.п.

Ставилась задача провести семантический анализ инвертированного образа с целью выяснить, какие признаки (семантические компоненты) остаются неизменными, а что трансформируется и приводит к новому видению. Мною было сформулировано методологическое положение, согласно которому «зрительный образ является перцептивным высказыванием о мире» [Петренко 1976]. Такая трактовка перцептивного образа позволяла применить к его описанию методы структурной лингвистики и, в частности, теорию машинного перевода (или модель «Смысл-Текст» И.А. Мельчука), где содержание текста описывается как связный, ориентированный семантический граф. По узлам графа находится базовая лексика этого искусственного редуцированного языка, а ребра графа задаются набором обобщенных предикатов. Для семантического описания исходного образа требовалось выявить исходный набор признаков (сем или семантических компонентов) понятия «жидкость». Я, тогда еще студент-дипломник факультета психологии МГУ, разыскал домашний телефон специалиста в области семантики, тогда еще кандидата наук, а ныне академика РАН Ю.Д. Апресяна, и позвонил ему с просьбой о встрече. Юрий Дереникович любезно принял меня и на мою просьбу дать определение понятию «жидкость» дал следующее формулировку: «Жидкость – это не дискретная, не сжимаемая субстанция, не имеющая формы». На основе этого определения я построил (на уровне, конечно, своего понимания), семантический граф, который трансформировался согласно вариантам образов при псевдоскопии.

Я совершил столь длительный экскурс в историю московской школы психологии, чтобы показать, что языкознание дает эвристические методологические метафоры, позволяющие использовать оригинальные подходы в психологии. Другой целью этого экскурса было желание показать, что, хотя А.Н. Леонтьев в своих научных текстах использовал терминологию «теории отражения» (которую еще называли «ленинской теорией отражения» или, в западной философии, «копирующей теорией истины»), направленность интересов А.Н. Леонтьева и его школы уже в те годы была в сторону философии конструктивизма. Близкими по духу методологии московской психологической школы (так еще называют коллектив, созданный Леонтьевым и Лурия, в первую очередь, в рамках факультета психологии Московского государственного университета) были исследования выдающегося американского психолога Дж. Брунера [1977] по проблемам категоризации, т.е. означиванию (отнесению к тому или иному значению) образа, формируемого в процессе восприятия. При том, что категоризация (значение) не просто означает образ, а активно влияет на его формирование, направляя процесс конструирования образа. Обычно человеческое восприятие переживается мгновенно и однозначно. Но это не значит, что восприятие автоматически отражает «объективную действительность», так как категоризация (означивание) вплетено в процесс выдвигания перцептивных гипотез и подстраивает чувственную ткань к наиболее правдоподобной из этих гипотез. Ситуация несколько напоминает «редукцию волновой функции» в квантовой физике [Петренко, Супрун 2018], когда множественная неопределенность физических характеристик волнового состояния редуцируется в предметный объект. Дальнейшее развитие моей трактовки образа как перцептивного высказывания о мире, позволяющего использовать методологии лингвистики, в частности, принципа «парного дублирования сем» В.Г. Гака [1973], было реализовано в серии экспериментов по семантическому анализу живописи [см. Петренко 2014]. По аналогии с литературой, где наряду с такими

более объемными жанрами, как баллада, роман, повесть новелла, существуют жанры малого фольклора – пословицы, поговорки, афоризмы, эпитафии, фразеологизмы и др. – в искусстве живописи, наряду со станковой (сюжетной) живописью, портретом, пейзажем, присутствует такой малый жанр, как натюрморт, возникший, по-видимому, как часть (фрагмент) сюжетной живописи. Вербальный малый фольклор в силу его лаконичности и, как правило, идиоматичности, удобен как объект исследования обыденного сознания или этнического менталитета [Петренко, Нистратов, Романова 1989; Петренко, Сурманидзе, 1993; Петренко 2010а]. Выдающийся культуролог и семиотик Ю.М. Лотман в своем эссе «Натюрморт в перспективе семиотики» писал, что вещь в определенных культурно-семиотических ситуациях тяготеет стать словом [Лотман 1986]. Та или иная мысль, поддающаяся вербализации, может быть переведена на визуальный язык (но, как любой перевод, с некоторой долей потерянного или измененного смысла). И, наоборот, метафора, исполненная как изображение, может быть выражена словами. Визуальные аналоги литературных тропов рассмотрены нами в ряде публикаций [Петренко, Коротченко 2008; Петренко 2014].

Приведем в качестве примера иллюстративный эксперимент «прочтения» натюрморта известного голландского художника XVII века Питера Клааса (Рис. 1) с помощью специальной установки, отслеживающей движение глаз по изображенному на экране компьютера натюрморту.

Рис 1. Движение глаз при просмотре натюрморта Питера Клааса.

Зритель обращает внимание на ключевые смысловые части картины, сопоставляя череп и цветы, свечу и карту, стеклянный бокал и бумагу, лепестки роз. В этих предметах и в манере их рассматривать заложен принцип смысловых оппозиций: череп как символ смерти сопоставляется с цветами, которые символизируют жизнь, погасшая свеча, объединяясь с символом черепа, говорит зрителю о конечности жизни, опустошенный бокал – о том, что наслаждения мимолетны. Используя возможности

регистрации движения глаз, можно иллюстрировать ход мысли зрителя и открыть ключевые смысловые элементы изображения, из которых строится визуальный текст. Каждый элемент натюрморта несет смысловую нагрузку, и замена одного элемента на другой ведет к изменению смысла всего изображения. Так, замена одного исходного элемента натюрморта Клааса (пустой розетки) на венецианскую карнавальную маску, или на шляпу, или на стопку книг, или на клоунский нос, надетый на череп, или на хлеб, лежащий на пустой (в оригинале) розетке, менял эмоциональный смысл всего натюрморта, оцененного по шкалам-дескрипторам и построенного на основе базы данных семантического пространства.

Рис. 1.1 Семантическое пространство (F1; F2).

Так или иначе, но проблема «значения» как образующей клеточки сознания была и остается ключевой проблемой психологической школы Выготского–Леонтьева–Лурии. В качестве иллюстрации взаимосвязи языка и сознания как отображения в знаковой форме можно привести наши эксперименты по гипнотическому блокированию языковых значений и, как следствие этого, выпадению из сознания целых семантических областей.

Занимаясь гипнозом, мы обнаружили интересный феномен, когда запрет на осознание некоего объекта приводит к выпадению из поля сознания и семантически связанных с ним объектов. Например, даешь запрет на виденье сигарет, а из поля восприятия и осознания выпадают и пепельница полная окурков, и спички (поскольку они связаны с прикуриванием), и даже зажигалка, которую «не видит» испытуемый. Вертит в руках «непонятный цилиндр» и спрашивает, что это. Наверное, это тубик из-под валидола. То есть выпадает предметная функция, связанная с прикуриванием сигарет.

Таким образом, можно использовать для установления семантических связей и метод гипноза, и разработанный нами [Петренко, Кучеренко 2019] суггестивный метод сенсомоторного психосинтеза.

Через языковое сознание выражаются «имплицитные модели» различных областей предметного, социального или внутреннего мира самосознания. Дж. Келли [Kelly 1955] рассматривает познание любого человека по аналогии с познанием мира ученым. Он, опираясь на индивидуальный и коллективный опыт, строит гипотетические модели того или иного фрагмента реальности. Каждый из нас, совершая покупки и тратя деньги, является житейским экономистом; голосуя за те ли иные партии или их кандидатов, мы выступаем наивными политологами; посещая театры или музеи, мы являемся стихийными искусствоведами; строя свои отношения с другими людьми, мы предстаем как житейские психологи и т.п. В то же время человек, не являясь профессионалом в той или иной области познания, как правило, плохо осознает эти имплицитные модели и их категориальную структуру. В лингвистике есть понятие «*language competence*» и «*language performance*» – знание языка и владение языком. Маленький ребенок может прекрасно говорить на своем родном языке («*language performance*»), не зная его грамматики и синтаксиса. А взрослый человек начинает изучать иностранный язык с формальных правил («*language competence*»), подчас так им и не овладев, чтобы говорить свободно. Аналогично наши имплицитные модели тех или иных фрагментов реальности могут работать в режиме употребления, но плохо рефлексироваться.

В то же время любой человек способен на основе имплицитных знаний придумать множество частных суждений, взаимосвязанных логикой имплицитных моделей. Выявить внутреннее содержание этих имплицитных моделей и описать их категориальную структуру – задача экспериментальной психосемантики. Предтечей экспериментальной психосемантики являются Семантический дифференциал Ч. Осгуда [Osgood, Suci, Tannenbaum 1957] и Теория личностных конструкторов Дж. Келли [Kelly 1955]. Но, как пишет известный американский психолог М. Коул в предисловии к статье «Значение как образующая сознания», опубликованной в журнале «Психология в России и Восточной Европе»: «Петренко заимствует американский технологический инструментарий для решения традиционных российских проблем психологии, идущих от Л.С. Выготского» [Cole 1993] (*Перевод*

наш – В.П.). Действительно, методологической основой, определяющей становление психосемантики, является школа Л.С. Выготского–А.Н. Леонтьева–А.Р. Лурии. Однако, в отличие от «теории отражения», в нашем методологическом подходе сделан акцент на активность субъекта (конструктивистский подход), где субъект конструирует возможные и, подчас, альтернативные модели познаваемой им реальности [Петренко 2002б].

Используя, а также введя новые методики построения семантических пространств как операциональных моделей категориальной структуры сознания, мы значительно расширили сферу применения, используя их в изучении сознания [Петренко, Алиева 1988; Супрун, Янова, Носов 2007], индивидуального и коллективного менталитета в кросс-культурной [Петренко 2009], возрастной психологии [Петренко, Митина 2018б гендерной психологии [Митина, Петренко 2000], психологии искусства [Петренко 2014] и политической психологии [Петренко, Митина 2018а].

Параметры семантического пространства отражают когнитивную организацию сознания. Так, количество выделяемых факторов отражает когнитивную сложность человека в данной содержательной области. Сознание человека гетерогенно, и он может иметь высокую когнитивную сложность (количество выделяемых факторов), скажем, при восприятии футбольных команд, но низкую при восприятии политических партий; высокую в сфере экономики, но низкую в искусстве. Аффекты вызывают уплощение семантического пространства, а духовные озарения могут увеличивать. Мощность выделяемых факторов (или перцептуальная сила признака) свидетельствует о субъективной значимости данной категории и тесно связана с мотивационной сферой субъекта. Так, например, честолюбивый человек при оценке других людей выдаст высокую мощность фактора, связанного с их социальным статусом. Изменение коннотативных значений семантического пространства под влиянием определенного воздействия (например, психотерапии с помощью гипноза [см. Петренко, Кучеренко, Вяльба 2006]) происходит не хаотично, а упорядоченно и поддается описанию с помощью моделей аффинных преобразований метрического пространства.

Интеркорреляции факторов свидетельствуют о взаимосвязи тех или иных категорий в человеческом сознании. Например, на заре христианства богатство отрицательно коррелировало с богоугодностью. «Легче верблюду (канату – по другой версии перевода Библии) пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Люди раздавали свое имущество и уходили в богоугодную нищету. Направление вектора «богоугодности», таким образом, было противоположно направлению вектора богатства. Спустя тысячелетие в христианском протестантизме вектор «богоугодности» повернулся в противоположную сторону, и богоугодными стали считаться преуспевающие зажиточные хозяева, а нищих и бродяг в викторианской Англии ждали работные дома. Наконец, координаты анализируемых объектов в семантическом пространстве отражают так называемые коннотативные значения (нерасчлененные индивидуальные значения в единстве с их личностным смыслом) и характеризуют отношение субъекта к этим объектам.

Построение семантического пространства не является процедурой измерения, как в естественных науках. Система категориальных структур и коннотативных значений выступает скорее ориентировочной основой для эмпатии, встраивания в менталитет другого индивидуального или коллективного субъекта (или в свой собственный, если исследование направлено на само понимание и рефлексии). В этом плане методы

психосемантики родственны проективным методам психологии, но отличаются гораздо большей формализованностью, объективностью и доказуемостью.

В основе методов психосемантики лежат методы установления семантических связей между анализируемыми значениями слов, образов, символов, синкретов, т.е. тех знаковых форм, которые специфичны для данного уровня развития индивидуального или коллективного субъекта [Давыдов 1972]. К методам установления семантических связей относятся ассоциативный эксперимент, метод субъективного шкалирования, семантический дифференциал Ч. Осгуда, семантический радикал А.Р. Лурии (когда по генерализации оборонительного рефлекса на сходные объекты устанавливаются наличие и степень выраженности семантических связей), метод сортировки Дж. Миллера (когда мерой сходства выступает количество попаданий объектов, в сходные классы) и т.п. На основании применения того или иного метода установления семантических связей строится матрица данных, которая обрабатывается с помощью факторного или кластерного анализа, многомерного шкалирования, структурного моделирования или иного метода многомерной статистики, а по полученным данным математической обработки строится семантическое пространство, выступающее операциональной моделью структур сознания и бессознательного [Петренко, Митина, Супрун 2021].

Перейдем непосредственно к проблематике бессознательного. Как уже отмечалось, для осознания требуется некая знаковая форма. По мысли Л.С. Выготского, используя знак как орудие, человек управляет своим поведением и своими мыслями. Для рационального мышления характерно использование понятий, дающих ясность осознания и порождающих тексты, вплоть до научных концепций. Для менее осознанных реалий используются символические и поэтические образы, образы сновидений, порождающих мифологемы, поэтические и религиозные притчи, пророчества.

В качестве примера психосемантического подхода приведем исследование политического менталитета на материале российских политических лидеров 2000 – 2001 годов [Петренко 2002а]. С этого времени прошел довольно большой срок, и мы провели множество новых замеров политической активности. Я выбрал именно эту статью, поскольку в ней в качестве дескрипторов использовались фразеологизмы.

Процедура

Респонденты оценивали соответствие того или иного фразеологизма образу того или иного политического лидера по градуальной семибалльной шкале (3; 2; 1; 0; -1; -2; -3), где «3» означает полное соответствие характеристики данному образу, «0» – отсутствие данного качества, а «-3» – наличие качества, полностью противоположного человеку, описываемому фразеологизмом. Ниже мы приводим результаты двух «срезов» политического менталитета студентов-социологов (акцент на последнем слове позволяет рассматривать их отчасти как экспертов), проведенных накануне президентских выборов 2000 г. (104 человека) и год спустя, т. е. в 2001 г. (100 человек).

В качестве объектов оценки выступали кандидаты в президенты на выборах 2000 г., а в 2001 г. – ряд российских лидеров различной политической ориентации (в том числе и те, кого оценивали ранее). Тем персоналиям политической жизни, которые оценивались дважды, соответствуют две координатные точки в семантическом пространстве. Отрезок от первой до второй координатной точки образует вектор изменения имиджа политического лидера во времени.

Процедура обработки данных

Две среднегрупповые студенческие матрицы (2000 и 2001 гг.) объединялись в одну и подвергались процедуре факторного анализа с процедурой поворота факторных структур по принципу *varimax* — использовался статистический пакет *SPSS*.

В результате факторного анализа было выделено 4 значимых фактора. Ниже даются факторные нагрузки фразеологизмов, входящих в выделенные факторы. Напомним, что они соответствуют проекции вектора-фразеологизма на ось выделенного фактора, что в содержательном плане показывает, насколько в данном фразеологизме присутствует смысл, содержащийся в факторе. Интерпретацию же фактор получает через выделение смыслового инварианта фразеологизмов, в него входящих. Знак факторной нагрузки оценочного смысла не имеет, а показывает, к какому из полюсов (левому или правому) относится данный фразеологизм.

Первый фактор (34,1% общей дисперсии) включает на одном полюсе такие фразеологизмы, как:

<i>За ним как за каменной стеной</i>	-0,91
<i>Рабочая лошадка</i>	-0,90
<i>Служит верой и правдой</i>	-0,87
<i>Большой корабль</i>	-0,85
<i>Восходящая звезда</i>	-0,79
<i>Светлая голова</i>	-0,75
<i>Бьется за правое дело</i>	-0,73
<i>Мастер на все руки</i>	-0,68
<i>Семь пядей во лбу</i>	-0,63
<i>Раз-два и в дамки</i>	-0,62

Противоположный полюс фактора включает такие фразеологизмы, как:

<i>Строит воздушные замки</i>	0,91
<i>Шут гороховый</i>	0,90
<i>Лезет в волки, а хвост собачий</i>	0,88
<i>Вчерашний день</i>	0,88
<i>Бьет баклуши</i>	0,87
<i>Витает в облаках</i>	0,87
<i>Не видит дальше своего носа</i>	0,81
<i>Халиф на час</i>	0,75
<i>Ловит рыбу в мутной воде</i>	0,74
<i>Иван Сусанин</i>	0,70
<i>Квасной патриот</i>	0,69
<i>Медный лоб</i>	0,69
<i>Колосс на глиняных ногах</i>	0,68
<i>Язык без костей</i>	0,68
<i>Змея подколотная</i>	0,66
<i>Гольи король</i>	0,64
<i>Втирает очки</i>	0,60

Содержание фразеологизмов, входящих в первый, самый мощный фактор, указывает на его оценочный характер, причем в положительных качествах явно преобладают деловые аспекты, в то время как отрицательный полюс вбирает в себя как низкие

моральные качества, так и отсутствие целенаправленных действий. На положительном полюсе лидирует В. Путин, причем со значительным отрывом от других персоналий, увеличившимся за последний год. Положительно воспринимаются Касьянов, Лужков, Явлинский, Березовский.

Рис. 2. Имиджи политических лидеров в семантическом пространстве фразеологизмов (Ф1, Ф2).

Второй фактор (27,1% общей дисперсии) содержит фразеологизмы:

<i>Пальца в рот не клади</i>	-0,92
<i>Море по колено</i>	-0,85
<i>Не из робкого десятка</i>	-0,85
<i>Стреляный воробей</i>	-0,83
<i>Метает гром и молнии</i>	-0,81
<i>Тертый калач</i>	-0,81
<i>Берет быка за рога</i>	-0,79
<i>Гнет в дугу</i>	-0,78
<i>Упрям как баран</i>	-0,74
<i>Как сыр в масле катается</i>	-0,69
<i>Рубаха-парень</i>	-0,67
<i>Держит камень за пазухой</i>	-0,67
<i>Мастер на все руки</i>	-0,66

Противоположный полюс фактора задан фразеологизмами:

<i>Ни рыба, ни мясо</i>	0,85
<i>Звезд с неба не хватает</i>	0,65
<i>Чист как ангел</i>	0,64

Второй фактор, судя по содержанию фразеологизмов, отражает в метафорической форме «Силу эго» персоналий, их решительность, упрямство, опытность. Лидирует по этому фактору Жириновский. Но «крутыми» и опытными студенты считают Лужкова, Путина, Березовского и даже Явлинского и Зюганова, отказывая в этих качествах Памфиловой, Гайдару, Подберезкину, Касьянову.

Третий фактор (8,1% общей дисперсии) включает фразеологизмы:

<i>Волк в овечьей шкуре</i>	-0,85
<i>Держит камень за пазухой</i>	-0,67
<i>Змея подколотная</i>	-0,65
<i>Рыльце в пушку</i>	-0,64

В оппозиции к:

<i>Народный заступник</i>	0,70
<i>Душа нараспашку</i>	0,70
<i>Чист как ангел</i>	0,43
<i>Бьется за правое дело</i>	0,43

Если первый фактор описывает, в основном, деловые характеристики лидеров, то третий фактор фиксирует, в первую очередь, их морально-нравственные качества.

Так, в роли «народных заступников» выступают в первую очередь Явлинский, Говорухин, Зюганов. Причем, позиции Зюганова за последний год, по оценкам наших респондентов, значительно сместились в положительном направлении. На негативном полюсе находятся Березовский, Джабраилов, Скуратов. Позиция Путина по этому фактору сместились за последний год с негативной на нейтральную.

Четвертый фактор (7,2 % общей дисперсии) включает фразеологизмы:

<i>Медный лоб</i>	0,60
<i>Квасной патриот</i>	0,60
<i>Мечет гром и молнии</i>	0,41

В оппозиции к фразеологизмам:

<i>Козел отпущения</i>	-0,70
<i>Семь пядей во лбу</i>	-0,60
<i>Светлая голова</i>	-0,48

Содержание этого слабого фактора, очевидно, образует специфический конструкт, образованный противопоставлением «ура-патриотов» – «козлам отпущения» – западникам. В роли последних выступают Е. Гайдар и Б. Березовский, а также, с меньшей нагрузкой, Г. Явлинский. В. Путин по этому измерению попадает в компанию с Г. Зюгановым. Однако, по сравнению с минувшим годом, имидж Путина значительно сдвинулся к центру. Да и замер проводился почти сразу после террористических событий 11 сентября в США, и последующий курс президента на сближение с Америкой еще не нашел отражения в общественном сознании.

Подводя итог проведенному исследованию, еще раз подчеркнем его поисковый, пилотный характер. Заведомо нерепрезентативная выборка не позволяет делать далеко идущих выводов о популярности тех или иных лидеров, но, полагаем, отражает некоторые тенденции. Важно другое. Исследование явно продемонстрировало, что шутовская ирония, свойственная фразеологизму как малой форме фольклора, позволяет снять «социальную желательность», а его демократичность и понятность дает возможность использования метафорических характеристик при оценке политических

Рис. 3. Распределение политических лидеров по двум факторам (Φ_3 ; Φ_4). Φ_3 – Положительные-отрицательные морально-нравственные качества. Φ_4 – Патриотизм – Западничество.

лидеров для политически неискушенных слоев населения (например, молодежи или малообразованных сельских групп) или (при использовании национальных фразеологизмов) приблизить процедуру опроса к бытовому языку респондентов тех или иных этнических общин.

Наши работы последних лет связаны с исследованием политического менталитета, включающим ряд политических срезов общественного сознания [Петренко, Митина 1994; Петренко, Митина, Шевчук 1992]; исследований качества жизни при различных правителях РФ [Петренко, Митина 2018a], образы политических лидеров разных стран, имиджи стран, геополитические представления россиян [Петренко, Митина, Бертников 2000; Петренко, Карицкий 2015 и др.].

Особый пласт исследований направлен на изучение «когнитивной сложности» и «меры социализации» ребенка. Была разработана компьютерная версия «Сказочного семантического дифференциала» [Петренко 2010б; Петренко, Митина, Гамборян, Менчук 2016], где дети от 4-х до 10-летнего возраста оценивали по градуальным шкалам сказочных персонажей (Буратино, доктор Айболит, Снежная Королева, ослик Йо-Йо, Кот в сапогах, Я-сам и т.п.). Были введены факультативные роли: отец, мать, преподаватель, воспитатель детского сада и т.п., которые могли вводиться дополнительно. Матрица оценок каждого ребенка автоматически обрабатывалась программой факторного анализа SPSS и по количеству выделенных факторов определялась когнитивная сложность ребенка. Программа также строила семантическое пространство сказочных образов, и степень близости семантического пространства ребенка нормативному семантическому пространству взрослых отражала меру его социализации. Поскольку от момента разработки методики Петренко до ее компьютерной версии прошло много лет, часть детей не знали некоторых сказочных персонажей. Поэтому для узбекских

и азербайджанских детей был отобран список сказочных персонажей, во многом взятый из мультфильмов [Петренко, Митина, Менчук, Исакова 2019]. М. Исакова провела исследование с участием более чем 600 узбекских детей и выявила интересную закономерность падения меры социализации при поступлении в 1-й класс школы. Возможно, это связано с новыми социальными требованиями.

Одной из сфер приложения психосемантики является киноискусство. Режиссер, сценарист, актеры уже выразили свою трактовку образов персонажей, и фильм дает возможность зрителям построить собственное понимание смысла художественного произведения. Мы строим семантические пространства видения респондентами героев фильма, восприятия их поступков, мироощущения времени и эпохи [Петренко, Алиева, Шеин 1982; Петренко, Сапсолова 2005; Петренко, Дедюкина 2017; 2018; Петренко, Супрун, Кодирова 2020].

Другая тематика, представленная в наших публикациях, связана с проблематикой бессознательного и проблемами категоризации и осознания. Мы исходим из того, что сознание связано с языком и выражается в предметных объектных формах [Петренко, Супрун 2017], бессознательное описывается через преобразования в векторной алгебре и реализуется в пространстве Гильберта. Отрицая «теорию отражения» с позиции конструктивизма [Петренко 2002б, 2011], мы исходим из того, что стимулы, поступающие к органам чувств, представляют собой гармоники, описываемые на языке пространства Гильберта (используемого в квантовой физике) и не имеющего пространственного и временного измерений. Категоризация, как локализация (или опредмечивание) в объектном мире, аналогична редукции волновой функции и представляет собой выбор одного из множества возможных гипотез-интерпретаций. Работами Супруна [Петренко, Супрун 2017] показано, что преобразование Лоренца, лежащее в основании Теории относительности А. Эйнштейна, имеет универсальный (а не только физический) характер, и релятивистские эффекты справедливы и для гуманитарных семиотических наук. Например, в психофизике работами Супруна при приближении звучания к предельно переносимому воздействию была доказана необходимость релятивистских поправок для звуковой модальности. Учет релятивистских поправок необходим при исследовании предельных возможностей человека (например, в ситуации большого спорта, космических полетов, военных действий т.п.). Работы последних лет ведутся по тематике Глобальной эволюции, измененных состояний сознания, космической психологии, культурно-составительной теории религий, политической психологии и психологии искусств [см. книги: Петренко 2014; Петренко, Супрун 2017; Петренко, Митина 2018а, 2018б].

© Петренко В.Ф., 2022

Литература

Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. 1995. Т. 2. С. 281–304.

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Рипол Классик, 1994.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского (1929) // Собрание сочинений в семи томах. 1979. Т. 6. С. 203–228.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука. 412 с. 1983.

Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс. 1977. Т. 412. С. 3.

Брутян О. О гипотезе Сэпира-Уорфа // Вопросы философии. 1969.

- Выготский Л.С.* Собрание сочинений в 6 томах. М., 1992–1994.
- Выготский, Л.С.* Мышление и речь (сборник). М.: Litres, 2022.
- Гак В.Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1973. С. 349.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры М.: Искусство, 1984.
- Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении: логико-психологические проблемы построения учебных предметов. М.: Педагогика, 1972.
- Компанейский, В.Н.* Псевдоскопические эффекты // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: ЧеРо, 2002. С. 403–411.
- Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Россохин А.В.* Измененные состояния сознания: Психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3.
- Леви-Стросс К.* Культура речи как система // Семиотика и искусствометрия. М. 1977.
- Лекторский В.А., Петренко В.Ф., Пружинин Б.И., Князева Е.Н., и др.* // Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3–37.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Леонтьев А.Н.* Опыт исследования цепных ассоциативных рядов, Русско-немецкий психологический журнал, 1927.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики М. 1965.
- Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестник Московского университета. Сер 14. Психология. 1979.
- Лотман, Ю.М.* 1986 Натюрморт в перспективе семиотики // Вещь в искусстве. Москва, 1986. С. 6–14.
- Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи. 1992. Т. 1.
- Лурия А. Р.* Язык и сознание. Издательский дом «Питер», 2019.
- Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистической модели «Смысл – Текст» М., 1974.
- Митина О.В., Петренко В.В.* Кросс культурные исследования стереотипов женского поведения (в России и США) // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 68.
- Муканов М.М.* Исследования когнитивной эмпатии и рефлексии у представителей традиционных культур // Исследование речи-мысли и рефлексии. Алма-Ата, 1979.
- Муканов М.М.* Психологическое исследование рассудка в историческом аспекте. Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. М., 1980.
- Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. 3-е изд. Томск; М.: Наука, 1974.
- Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. М.: Аргатак-Медиа. Изд. 2-е, перераб. и доп. 2014. 512 с.
- Петренко В.Ф.* К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность. Москва: Изд-во МГУ, 1976. С. 268–292.
- Петренко В.Ф.* Язык метафоры в рейтинге политических лидеров // Социологический журнал. 2002а. № 1. С. 41–47.
- Петренко В.Ф.* Конструктивизм в психологии // Психологический журнал. 2002б. Т. 23. № 3. С. 113–121.
- Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосематическая парадигма. Москва, 2010а.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М. МГУ, 2010б.

Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 75–81.

Петренко В.Ф. Психосемантика искусства. Макс Пресс. М.: 2014. 320 с.

Петренко В.Ф. Образ мира глазами студентов Южной Кореи // Корея и Россия: Общество, Политика, История, Культура. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. С. 241–256.

Петренко В.Ф., Алиева Л.А. Исследование этнических стереотипов с использованием методики «множественных идентификаций» // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 6. С. 46–54.

Петренко В.Ф., Алиева Л.А. Стереотипы поведения как элемент национальной культуры // Языковое сознание: стереотипы и творчество / под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания. 1988. С. 16–39.

Петренко В.Ф., Алиева Л.А., Шейн С.А. Психосемантические методы исследования оценки и понимания кинопроизведения // Вестник Московского ун-та, серия. 1982. Т. 14. С. 13–21.

Петренко В.Ф., Дедюкина Е.А. Психосемантический анализ художественного фильма «Иду на грозу» // Вестник Российской академии наук. том 87, № 12. 2017. М.: Наука, Интерпериодика. С. 1139–1143.

Петренко В.Ф., Дедюкина Е.А. Поиск смысла собственного существования (на материале восприятия и понимания художественного фильма // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. М: Изд-во Моск. ун-та, № 4, 2018. С. 54–73.

Петренко В.Ф., Коротченко Е.А. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. №. 4. С. 19–40.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Теория и практика сенсомоторного психосинтеза // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 2. С. 147–156.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Вяльба А.П. Психосемантика измененных состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. №. 5. С. 16.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантическое исследование политического менталитета (Россия 1991-1993) // Общественные науки и современность. № 6, 1994. М.: Изд-во Российской академии наук. С. 42–54.

Петренко В., Митина О. Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян // Психологический журнал. М.: Изд-во Наука. 1995. Том 16, № 6. С. 17–31.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Политическая психология: психосемантический подход. М.: Наука, 2018а.

Петренко В.Ф., Митина О.В. Методика «Сказочный семантический дифференциал»: диагностические возможности // Психологическая наука и образование. 2018б. Т. 23. №. 6. С. 41–54.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Бертников К.А. Психосемантический анализ геополитических представлений России // Психологический журнал, том 21, № 2, 2000. С. 49–68.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Гамбарян М.П., Менчук Т.И. Сказочный семантический дифференциал // Вопросы психологии. № 4. 2016. С. 148–161.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Гладких Н.Ю. Психосемантика мягкой силы в геополитике // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 40–51.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Карицкий И.Н. К проблеме исследования ментальности // Историческая психология и социология истории, том 8, № 2. М.: Изд-во Учитель. С. 5–17.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Карицкий И.Н., Менчук Т.И., Каменев И.И., Коротченко Е.А. Образ России глазами россиян и иностранцев. М.: Моск. гуманитарный университет. 2009. 272 с.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Менчук Т.И., Исакова М.А. Сказочный семантический дифференциал: классический вариант и его модификация // Мир психологии. 2019. № 4. С. 184–200.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Шевчук И.В. Социально-политологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана // Психологический журнал. 1992. № 1. С. 53–88.

Петренко В.Ф., Нитратов А.А., Романова Н.В. Рефлексивные структуры обыденного сознания. (На материале семантического анализа фразеологизмов) // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 26.

Петренко В.Ф., Сапсолова О.Н. Психосемантический анализ художественного фильма «Сибирский цирюльник» // Вопросы психологии. № 1. 2005. С. 56.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. Т. 35. № 6. 2014. С. 69–86.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Познание реальности или ее конструирование? // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2017. № 4. С. 90–106.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологические пересечения психологии сознания и квантовой физики. 2 второе, дополненное. изд. М.: Нестор-История. 2018.

Петренко В.Ф., Супрун А.П., Кодирова Ш.А. Психосемантический анализ художественного фильма Акира Куросавы «Расемон» // Журнал Высшей Школы экономики. Психология. Том 17, № 4, 2020.

Петренко В.Ф., Сурманидзе Л.Д. Психосемантический анализ грузинских этнических стереотипов // Духовная культура и этническое самосознание. М.: Изд-во МГУ. 1993.

Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт. 2000. С. 92–329.

Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.

Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.А. Мета психология. Релятивистская психология. Психология креативности. М.: Эдиториал УРСС, 2007.

Уилбер К. Очи познания: плоть, разум, созерцание. Рипол Классик, 2016.

Фрейд З. Основные принципы психоанализа. Минск, 1997.

Cole M. Editor's introduction // Journal of Russian & East European Psychology. 1993. № 31. С. 3–4.

Kelly G. Personal construct theory // R. Sollod. Beneath the Mask: An Introduction to Theories of Personality. 1955.

Mitina O.V., Petrenko V.F. A cross-cultural study of stereotypes of female behavior (in Russia and the United States). 2001.

Mitina O.V., Petrenko V.F. Using psycho-semantic methods in political psychology // Russian Social Science Review. V. 42, № 6. 2010. P. 60–92.

Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. University of Illinois press, 1957. № 47.

Petrenko V.F., Kucherenko V.V. Herald of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 89. № 1. P. 56–64.

Petrenko V.F., Mitina O.V., Suprun A.P. Conscious and Unconscious Cognition in Psychosemantics // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. №. 4. С. 930–943.

Сведения об авторе:

Петренко Виктор Федорович – член-корреспондент РАН, профессор, доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ

Контактная информация:

125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9.

email: victor-petrenko@mail.ru

Для цитирования:

Петренко В.Ф. Мальбрук в поход собрался (или экскурс психосемантики в языкознание) // Вопросы психолингвистики №3(53)2022, С. 11–31, doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-11-31

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-11-31

Research article

**MARLBOROUGH HAS LEFT FOR THE WAR: AN EXCURSION OF
PSYCHOSEMANTICS TO LINGUISTICS**

Viktor F. Petrenko

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract

The article is intended to familiarize linguists with the insights and practices of Russian psychology related to the issues of meaning and language. Psychology has not yet become a fundamental science integrating general theoretical knowledge [Wilber 2016]; it represents rather disparate fields of study (personality psychology, social psychology, neuropsychology, consulting psychology, psychotherapy, psychological group training, developmental psychology, organizational psychology, psychology of art, family psychology, sports psychology, etc.) and rather heterogeneous schools, differing in methods and reasoning (psychoanalysis, behaviorism, gestalt psychology, cognitive psychology, activity theory, humanistic and transpersonal psychology, etc.). Psycholinguists (e.g., A.A. Leontiev, I.A. Zimnya, E.F. Tarasov, T.N. Ushakova) studies, above all, generation of a speech statement and communication problems, whereas the works in the field of psychosemantics

are focused on studying consciousness and the unconscious, as well as contents of social mentality. The emphasis of this article is primarily placed on the psychosemantic approach in psychology.

Keywords: psychosemantics, consciousness, unconscious, meaning, semantic spaces, categorical structure of consciousness

© Petrenko V.F., 2022

Bionotes:

Viktor F. Petrenko – PhD in Psychology, Professor, Head of Laboratory of Psychology of Communication and Psychosemantics at the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University

Contact information:

Mokhovaya st., 11/9, Moscow, Russia, 125009

email: victor-petrenko@mail.ru

For citation:

Viktor F. Petrenko (2022). Marlborough has left for the war: An excursion of psychosemantics to linguistics. *Journal of Psycholinguistics*. 3(53), P. 11–31 Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-11-31 (in Russian)